

ОТ ПЕРЕМЕНЫ МЕСТ СЛАГАЕМЫХ...

Новая классификация запасов УВС и эффективное недропользование
с точки зрения ГКЗ

ИНТЕРВЬЮ
ИГОРЬ ШПУРОВ
Генеральный директор ФБУ «ГКЗ»

Ред.: Игорь Викторович, нынешний год юбилейный для ГКЗ. Как будете отмечать 90-летие?

И.Ш.: Разумеется, готовим торжественные мероприятия. Но это и хороший повод для некоей перезагрузки. Нам пора переосмыслить задачи, стоящие перед госкомиссией по запасам. Мы должны стать более полезными для государства и более понятными для недропользователей. Нужно заняться воссозданием экспертного сообщества — после распада СССР оно, по сути, исчезло.

Сейчас даже само понятие «эксперт» официально не закреплено. Нужно в каком-то документе записать, что такое, например, эксперт по подсчету запасов, по недропользованию.

Следующий этап — аккредитация или сертификация экспертов. Необходима система обучения — не геологическим знаниям, этим вузы занимаются, а именно экспертной деятельности: как составлять проектные документы, что входит в экспертизу, какие требования, регламенты...

Недостаточно быть только хорошим специалистом в области твердых или жидких полезных ископаемых. Эксперт — это такая каста особая. Помимо геологических или технологических знаний, эти люди должны обладать навыками во многих специальных областях, таких как лицензирование, недропользование, правила охраны недр и т.д.

В конце мая в Москве пройдет международная конференция «Вопросы экспертизы запасов полезных ископаемых Российской Федерации в свете взаимодействия с международными классификациями». Хотя она и приурочена к 90-летию Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, повестка дня сугубо рабочая: обсуждение первых результатов внедрения новой российской классификации запасов углеводородного сырья, оценка ее совместимости с международными классификациями, дискуссии о повышении эффективности ГРП и инвестиционной привлекательности российских недр.

Накануне юбилейных торжеств и большой профессиональной дискуссии генеральный директор ФБУ «ГКЗ» Игорь ШПУРОВ согласился ответить на вопросы редакции и читателей «Нефтегазовой Вертикали». Основная тема беседы — новая российская классификация запасов углеводородного сырья, ее новизна и практическое значение, первые результаты внедрения. Но разговор пошел в более широком русле — о состоянии и перспективах ресурсной базы отечественной нефтегазодобычи.

Когда таким образом подготовленные специалисты у нас появятся, тогда можно будет смело утверждать, что у нас появился эксперт с большой буквы, признанный государством. Но и это не всё.

Потом начнется диалог с международными экспертными сообществами. Мы должны органично влиться в эту систему, потому что все решения, которые мы принимаем на основании мнения экспертов, будут признаваться мировым сообществом только тогда, когда наше понятие «эксперт» и критерии, которые существуют сегодня в мировом сообществе, будут близки или идентичны.

Ред.: *Имеется в виду, что эти сертифицированные эксперты станут штатными работниками ГКЗ?*

И.Ш.: Нет, эксперты — это специалисты, которые обладают особо глубокими знаниями в той или иной дисциплине. Не важно, где они работают.

Ред.: *Этой весной отмечалась еще одна круглая дата — исполнилось 25 лет закону о недрах. В начале 1990-х, когда экономика страны вставала на рыночные рельсы, незамедлительно начал создаваться новый закон о недрах. Здесь всё понятно: новые условия хозяйствования требовали новых правил игры. Вызывает удивление другое: практически всё это время — четверть века — подсчет запасов велся по советским правилам, которые были лишь косметически подправлены. И только сейчас, с прошлого года, начался переход на новую классификацию запасов углеводородного сырья. Это настолько никому неинтересно — как считать запасы? Или это столь сложный вопрос, что к нему два десятка лет не могли толком подступиться?*

И.Ш.: Первые 10 лет, 1990-е годы, было совсем непонятно, по какому пути мы идем, и роль Комиссии по запасам, как и роль Центральной комиссии по разработке, была принята по очень простой причине — потому что не были четко установлены правила, не было достаточного количества законов и нормативно-правовых документов, которые бы регулировали деятельность недропользователя вообще.

Соответственно, не очень было понятно, куда идти: в сторону западных классификаций или что-то свое придумывать? В 2000-х годах опре-

делились, и начались попытки сделать новую классификацию запасов, которые продолжались 15 лет. За это время было разработано несколько версий. Нынешняя оказалась наиболее удачной, мы ее внедрили.

Ред.: *Пройден первый год внедрения новой классификации. Можно говорить о каких-то результатах?*

И.Ш.: Конечно. Результатов много. И они, в основном, положительные. Прежде всего, мы начали оценивать рентабельность запасов. Теперь знаем, какие запасы у нас рентабельные, а какие в нынешних обстоятельствах разрабатывать невыгодно.

Это интересный опыт, его еще предстоит анализировать. Но уже понятно, что на основании проводимых оценок можно выделять группы так называемых трудноизвлекаемых запасов, которым, например, требуется льготирование.

Уже в этом большая польза для государства, потому что теперь не на основе эвристических методов могут приниматься управленческие решения, а исходя из анализа объективной информации. В этом, несомненно, огромная польза государству.

Второе — это понимание стоимостной оценки сырьевой базы, что тоже весьма важно для государства. Формируется представление о том, сколько у нас запасов рентабельных, которые будут разрабатываться. Исходя из этого — какая добыча у нас будет и что нужно делать, чтобы достичь желаемого результата: какие преференции предлагать, какие вообще управленческие решения в нефтегазодобывающей отрасли принимать.

Кроме того, в рамках реформирования системы подсчета запасов мы много сняли административных барьеров. Например, у нас ЦКР стала, по сути, частью Государственной комиссии по запасам, что упрощает процесс экспертизы запасов. Отменили ряд ненужных документов — ТЭО КИН, например.

Впервые в постсоветской истории сформулировали и утвердили правила разработки — теперь у нас есть четкие правила, по которым недропользователь обязан вести работы. Появились утвержденные государством правила проектирования — их тоже раньше не было.

Образно говоря, сейчас построенная качественная дорога, по которой можно двигаться, — с дорожными

знаками, разметкой... А не какая-то кривая лесная тропинка — направление, как говорили раньше.

Ред.: *Почему переходный период растянут аж на шесть лет?*

И.Ш.: В течение этого времени компании должны по новой классификации пересчитать запасы на всех своих месторождениях. Для крупных компаний это объемная работа.

Ред.: *Новые запасы считаются по новому, а старые пересчитываются постепенно в течение нескольких лет. Не стало ли больше неразберихи? Какая-то общая картина складывается?*

Эксперт — это такая каста особая. Помимо геологических или технологических знаний, эти люди должны обладать навыками во многих специальных областях

И.Ш.: Да, разумеется. За прошлый год проведено достаточно большое количество оперативных и больших подсчетов запасов — 669. Рассмотрено 608 проектно-технических документов (то есть проектов и дополнений к ним). Об окончательной картинке говорить пока, конечно, рано. Но общая ситуация просматривается.

И потом, речь же не идет о том, что мы одну жизнь закончили, а новую начали. Ничего подобного. У нас процесс эволюционный. В новой классификации запасов важно то, что она очень плавно вытекает из предыдущей. Является преемственной. Поэтому запасы, подсчитанные по разным правилам (старым и новым), можно складывать между собой для анализа общей ситуации с запасами.

Новая классификация строже подходит к категоричности, то есть дает четкие правила (в старой они были несколько размыты в части определения категорий), и оценивает рентабельность запасов. Именно в этом принципиальное отличие. Но складывать общее количество запасов это не мешает.

Ред.: *То есть общий объем запасов остается прежним, а меняется только структура?*

И.Ш.: Конечно. Вот, смотрите: по нефти 29 млрд тонн у нас запасов ка-

теории ABC_1+C_2 . Те же самые 29 млрд тонн будут учтены и новой классификацией, но они будут иначе группироваться. И категорий больше — $AB_1B_2C_1C_2$. Плюс добавятся рентабельные запасы.

Ред.: *Насколько экономическая часть новой классификации обоснована? Не все с энтузиазмом поддерживали ваши реформаторские усилия, у классификации есть и критики.*

И.Ш.: Экономика стала более прозрачной. Первое время нас критиковали за то, что стало больше бумажной работы — больше данных приходится предоставлять, более сложные расчеты приходится делать. Остальные упреки несут частный характер, они не особо принципиальны.

лучших в мире классификаций. Может быть, даже лучшая в мире».

Но всегда есть, что дорабатывать. Было бы очень плохо, если бы к классификации не было замечаний. Споры означают, что речь идет о вопросах, которые важны, не оставляют равнодушными. Хорошо, что есть куда совершенствоваться.

Ред.: *Неожиданно, что столь радикальное сближение с международными классификациями не повлекло за собой изменения количественных оценок по российским запасам УВС.*

И.Ш.: Ничего удивительного. Главный недостаток наших предыдущих классификаций был в том, что они фокусировались на уровне изученности. При этом все специалисты в мире отмечали высокий уровень достоверности определения геологических и технически извлекаемых запасов. При этом другие принципиально важные вопросы — экономика разработки, стадии освоения и т.д. — практически выпадали из поля зрения.

А сегодняшняя классификация основана на проектном принципе. Это принципиальное отличие. И в этом смысле наша классификация такая же, как все мировые классификации, которые основаны на проектном принципе.

Например, если мы берем ресурсы, это проект геологического изучения. На стадии разведки месторождения — это проект разведки, или поисковый проект. На стадии доизучения, когда месторождение открыто, но еще не введено в промышленную эксплуатацию, — проекты пробной эксплуатации скважин, месторождения. На стадии разработки — технологический проект. И здесь уже принципиально важную роль играют экономические расчеты вариантов.

Словом, категоричность классификации совершенно четко зависит от того, какой проект на какой стадии находится. Во всем мире так и принято. Собственно, в этом и есть суть сближения российской классификации с зарубежными аналогами. Запасы одни и те же, но теперь распределены по другим условным полочкам.

Ред.: *Говоря о новой классификации, вы часто акцентируете внимание на ТРИЗ. Это доминанта новой классификации?*

И.Ш.: Доминанта — это неэффективные запасы: сколько их и что с ними делать. Логика простая: эффективные запасы — это объект текущего государственного планирования. Процесс запущен, государству не требуется дополнительных усилий или ресурсов для поддержки разработки таких запасов — всё идет своим чередом.

Сложнее с неэффективными запасами. Прежде всего нужно понять, стоит ли их запускать вообще. Если решили, что это необходимо, надо разобраться, как их вовлечь в работу, понять, что для этого нужно.

Ред.: *Это вопрос политики или технологии? Каков исходный посыл: «мы способны это сделать» или, скажем, «мы хотим добывать много нефти»?*

И.Ш.: Это вопрос государственного планирования. Конечно, там есть геополитическая составляющая, но экономика всё-таки играет определяющую роль. Сколько нужно налогов казне? Как нам развивать территории? Всё должно учитываться. В том числе и имеющиеся на сегодняшний день технологические возможности.

Не существует трудноизвлекаемых запасов в чистом виде. Или даже так: все запасы трудноизвлекаемые — добыча нефти никогда не была легкой работой. Сегодня какую-то часть запасов разрабатывать невыгодно, или же мы не научились извлекать что-то из недр. Но это вопрос времени. Появляются новые технологии, совершенствуются известные, и запасы, которые считались трудноизвлекаемыми, становятся активными. Это эволюционный процесс.

Ред.: *И что же в таком случае следует понимать под ТРИЗами?*

И.Ш.: Называть ТРИЗами следует те запасы, которые у нас неэффективны в условиях текущей экономической ситуации, действующей налоговой системы и в условиях имеющихся технологий. Могут сказать, что налоговые льготы по тем запасам, которые на сегодня являются ТРИЗами, сыграли положительную роль, и сегодня началось эффективное освоение таких запасов. Тем не менее они остаются ТРИЗами, поскольку их разработка экономически эффективна лишь в условиях налоговых преференций.

Но есть запасы, которые даже в условиях налоговых льгот всё равно

В новой классификации запасов важно то, что она очень плавно вытекает из предыдущей. Запасы, подсчитанные по разным правилам (старым и новым), можно складывать между собой для анализа общей ситуации

Понятное дело, есть разные позиции у представителей разных научных экономических школ. Например, как выбрать оптимальный вариант разработки, какие критерии при этом использовать, что при этом важнее — максимальный коэффициент извлечения нефти или, например, чистый дисконтированный доход? Идут такого рода споры — вечные споры между экономистами и технологами. Тем не менее компромиссный вариант всё равно ищется и в конечном счете находится.

Кстати, когда эксперты ООН рассмотрели нашу классификацию, в том числе ее экономическую часть, они дали весьма лестную для нас оценку: российская классификация в сегодняшнем виде — это одна из лучших классификаций в мире. И она не просто так стала первой в мире национальной классификацией, которая сейчас утверждена ООН. Она, действительно, охватывает всё — от ресурсов до запасов. Она хорошо вписалась в ООНовскую классификацию.

Международные эксперты говорят: «Да, это, действительно, одна из

остаются неэффективными. Это очень важный посыл: прежде всего, нужны передовые технологии, а налоговые льготы играют вспомогательную роль — они призваны обеспечить создание таких технологий.

Ред.: Не первый год вы отстаиваете идею изменения подходов к налоговым льготам в недропользовании: преференции должны стимулировать не процесс разработки трудноизвлекаемых запасов, а процесс создания технологий. Есть ощущение, что эти усилия не напрасны?

И.Ш.: Не скажу, что это моя идея. В мировой практике есть немало примеров успешной реализации подобных подходов. У нас процесс обсуждения идет довольно активно. Надеюсь, что со временем предложение переключить акценты налоговых льгот будет востребовано.

Ред.: В чем еще, кроме налоговых льгот, должна заключаться господдержка недропользователей? Может, в непосредственном финансировании прорывных проектов?

И.Ш.: Нет. Считаю, что прямое финансирование неэффективно. Государство, на мой взгляд, должно помогать создавать возможности для работы недропользователей, не вмешиваясь непосредственно в их финансово-хозяйственную деятельность.

Что может государство? Первое — геологоразведка в новых неисследованных районах и горизонтах для создания поискового задела для компаний, второе — создание оптимального налогового режима. Третье — инфраструктура. То есть формирование условий для работы в удаленных районах. Это строительство дорог, трубопроводов, организация энергообеспечения и т.д.

Есть прекрасные примеры реализации такого частно-государственного партнерства. Это Уватский проект — очень хороший пример. Кластер ямальских месторождений, который сейчас начинают разрабатывать «Газпром нефть» и «Роснефть».

Что еще? Стимулирование фундаментальных исследований. Например, поиск подходов к геологическому обоснованию разработки сланцевой нефти, когда классическая нефтепромысловая геология и гидрогазодинамика не работают.

Здесь нужна новая научная база. Возможно, придется создавать но-

вую научную дисциплину. Очевидно, что без фундаментальных знаний бизнес не создаст революционные технологии, необходимые для разработки баженовских залежей, иных, условно говоря, сланцевых запасов.

Ред.: Как вы оцениваете состояние воспроизводства минерально-сырьевой базы? Нередко приходится слышать от специалистов-геологов, что бурим непозволительно мало, природы запасов у нас в значительной мере «бумажные» — полученные путем пересчета запасов... Что на этот счет говорят данные ГКЗ?

И.Ш.: Однозначно — все приросты реальные. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на статистику подтверждаемости запасов. Запасы категории А подтверждаются на 100%, по категории В — достоверность 90%, C_1 — 75%, C_2 — 50%. По ресурсам: C_3 — 25%, а, скажем, D_1 — 10%.

И сейчас, и в советские времена статистика подтверждаемости запасов и ресурсов остается на одном уровне. Отечественные и зарубежные уровни достоверности по соответствующим категориям тоже сопоставимые величины.

Вот если подтверждаемость запасов ниже 50% — это повод говорить о том, что их оценка недостаточно достоверна. Опять же, это не всегда «бумажные запасы». Например, в Восточной Сибири, в силу меньшей изученности и более сложного строения недр, оценить запасы сложнее, чем в Западной Сибири, и там уровень подтверждаемости запасов категории C_2 несколько ниже. Но потому категория C_2 и называется предварительно оцененной.

И, кроме того, проблема нашего геологического изучения заключается в том, что значительная часть приростов (до 80%) — это результат доразведки разрабатываемых месторождений. Очень мало новых открытий.

Для того чтобы обеспечить расширенное воспроизводство запасов, недропользователи должны выходить на новые площади, активнее изучать новые регионы. Этот процесс идет крайне медленно. Как следствие, в прошлом году мы поставили на учет несколько новых средних месторождений, но не было ни одного крупного открытия.

Ред.: От нефтяников приходится слышать, что времена изменились:

теперь в геологоразведке буровая активность не столь важна, как прежде. Геофизические методы позволяют получить ответы на многие вопросы и без бурения разведочных скважин. Согласны с этим?

И.Ш.: Я придерживаюсь классического правила: запасы нефти находятся на конце долота. Вообще, запасы по определению становятся запасами только тогда, когда получен промышленный приток из пробуренной скважины.

Относительно объемов разведочного бурения — они, конечно, не столь масштабны, как хотелось бы, но вполне достаточны для решения текущих задач. Проблема в другом. Превалирует разведочное бурение, а поисковых скважин бурится недостаточно.

Ред.: Всех волнует вопрос, что будет с российской добычей нефти и газа в обозримой перспективе. ГКЗ ведь готовит прогнозы добычи?

Запасы по определению становятся запасами только тогда, когда получен промышленный приток из пробуренной скважины

И.Ш.: Прогнозы добычи — это наша перспективная задача. Пока мы их готовим инициативно. Думаю, в ближайшем будущем мы станем заниматься ими официально.

Технологически, с точки зрения обеспеченности запасами, мы вполне способны добывать 1 трлн м³ газа в год. Нефти — до 600 млн тонн.

Вопрос в задачах, которые поставит перед нефтяниками и газовиками государство. И какая будет складываться экономическая и геополитическая конъюнктура. Ну, и конечно, важен технологический аспект — готовы ли недропользователи тратить больше средств на создание современных отечественных технологий геологоразведки и освоения месторождений.

Ред.: Игорь Викторович, спасибо за беседу. Примите, пожалуйста, поздравления с юбилеем ГКЗ. Задачи перед Комиссией стоят весьма ответственные. Планы амбициозны. Удачи! □